

Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, Пушкинъ,—развѣ такіе люди, долго живя рука объ руку съ Михаиломъ Семеновичемъ, часто имѣя съ нимъ и дѣловыя, и интимныя, задушевные отношенія, развѣ такіе люди могли долго оставаться въ заблужденіи относительно его нравственной личности? И если бы былъ онъ человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, своекорыстный и плутоватый, то неужели такъ-таки никто бы въ концѣ концовъ этой-то черты и не узналъ бы въ немъ?

Лучшая мѣра для оцѣнки людей—это провѣрить, какъ они относятся къ низшимъ себя, къ тѣмъ, кто занимаетъ маленькое положеніе въ обществѣ, кто бѣденъ, несчастенъ, забитъ, кто имъ подвластенъ, подчиненъ.

А Щепкинъ, котораго вѣчно окружали поклонники его генія, котораго, можно сказать, на рукахъ носили люди, которые и сами по себѣ были людьми крупными, пользовавшимися великой славой, Щепкинъ, всюду окруженный ореоломъ славы, совсѣмъ никогда не гордился этимъ, ни передъ кѣмъ не возносился, не хвалился.

Ниже ли, выше ли его поставленные, всѣ встрѣчали съ его стороны одинаковое съ ними обращеніе.

— Я самъ такой же былъ маленькій человѣкъ, какъ они,—говорилъ Щепкинъ, когда представлялся случай помочь кому-нибудь изъ бѣдныхъ людей, или вступить за обиженного: я самъ былъ, друзья мои, крѣпостнымъ и горя всяческаго навидался.

Мало сказать: онъ выручалъ людей изъ бѣды, онъ подчасъ спасалъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ ему людей, спасалъ буквально утопающихъ отъ вѣрной смерти.